В поисках Одри

Автор:
Софи Кинселла

В поисках Одри

Софи Кинселла

Новая книга Софи Кинселлы, «В поисках Одри», не похожа ни на одну из предыдущих. Автор легкомысленных романтических комедий создала глубочайший психологический роман.

Подростки – самые беззащитные, самые уязвимые люди. Они болезненно реагируют на насмешки и обиды, часто чувствуют себя одинокими, потому что боятся поделиться со взрослыми своими переживаниями.

У Одри серьезная проблема: она боится выходить на улицу, заводить дріузей, ходить на свидания.

Что делать в такой ситуации? Оставить все как есть? Но ведь человек в современном мире не может жить изолированно. Психолог советует девочке снять фильм о ее жизни – так она сможет избавиться от зажатости, нерешительности.

От Одри требуется мужество, чтобы осознать свою проблему и начать действовать. И не меньшее мужество и терпение нужно ее родителям: ведь дочери очень важно чувствовать их любовь и поддержку.

Софи Кинселла

В поисках Одри

Sophie Kinsella

Finding Audrey

© Sophie Kinsella 2015

© Федорова Ю., перевод на русский язык, 2015

© Издание на русском языке, оформление. ООО «Издательство «Э», 2016

* * *

Блин, мама сошла с ума.

Не как они обычно сходят с ума. А реально.

Обычно бывает так. Мама говорит: «А давайте-ка сядем на безглютеновую диету. Я в «Дейли мейл» прочитала, она так хороша!» – и покупает три буханки безглютенового хлеба. А он такой противный, что у нас у всех рожи кривятся. Семья объявляет забастовку, сама мама хоронит свой бутерброд на клумбе, и на следующий день мы уже вовсю снова поглощаем глютен.

Вот как обычно мамы сходят с ума. Но на этот раз все серьезно.

Она стоит у окна своей спальни, которое выходит на переулок Роузвуд-Клоуз, – мы тут живем. Нет, то, что она стоит, это совершенно нормально. Но вот выглядит неадекватно. Покачиваясь, она с безумным взглядом высовывается за окно. А в руках у нее компьютер моего брата Фрэнка. Он едва держится на карнизе. И вот-вот рухнет на землю. А стоит этот компьютер 700 фунтов.

Неужели мама этого не понимает? Семьсот фунтов. Ведь она сама постоянно твердит, что мы не представляем, какой ценой достаются деньги. Что-нибудь вроде: «Ты хоть представляешь, как трудно заработать десять фунтов?» или:

«Вы бы столько света не жгли, если бы вам самим приходилось за него платить».

Заработать семьсот фунтов, а потом самой же грохнуть их оземь?

Внизу, на газончике перед домом, бегает Фрэнк, схватившись за голову и бормоча что-то в ужасе. На нем футболка с «Теорией большого взрыва».

– Мама! – От страха он уже перешел на визг. – Мама, это мой компьютер!

– Я в курсе, что это твой компьютер! – истерически вскрикивает она. – Думаешь, я не знаю?

– Мам, прошу тебя, давай все обсудим!

– Я пыталась! – гневно отвечает мама. – Я и просила, и приводила разумные доводы, и давила на чувство вины, спорила, пыталась тебя подкупить… Я испробовала все! Буквально ВСЕ, Фрэнк!

– Но он мне нужен!

– Не нужен! – Мама в такой ярости, что я даже вздрагиваю.

– Мама бросит компьютер, – объявляет Феликс, выбегая на траву, и смотрит вверх, не веря своим глазам от счастья. Феликс наш младший брат. Ему четыре года. Он на все в жизни так смотрит: не веря глазам от счастья. Грузовик проехал! Кетчуп! Огромная чипсина! Так что сброшенный мамой компьютер станет одним из множества в списке ежедневных чудес.

– Да, и он разобьется, – гневно отвечает ему Фрэнк. – И ты больше уже не сможешь играть в «Звездные войны». Никогда.

Лицо Феликса перекашивает от ужаса, а маму захлестывает новая волна ярости.

– Фрэнк! – вопит она. – Не расстраивай брата!

Соседи из дома напротив, МакДагганы, вышли поглазеть на это зрелище. Поняв замысел нашей мамы, их двенадцатилетний сын Олли закричал: «Нееееет!»

– Миссис Тернер! – Он бросился через дорогу, остановился у нас на газоне рядом с Фрэнком и тоже поднял на нее полный мольбы взгляд.

Олли иногда играет с Фрэнком в «Страну завоевателей» по Сети, когда тот в хорошем настроении или больше поиграть не с кем. Сейчас же кажется, что Олли даже больше напуган, чем сам Фрэнк.

– Миссис Тернер, пожалуйста, не разбивайте. – Он прямо дрожит. – На нем все комментарии к игре, которые записал Фрэнк. Они такие смешные. – И Олли поворачивается к Фрэнку: – Правда смешные.

– Спасибо, – бурчит мой брат.

– Твоя мама похожа на… – он взволнованно хлопает глазами, – на продвинутую Богиню-воительницу седьмого уровня.

– На кого? – строго спрашивает та.

– Да это комплимент, – резко отвечает Фрэнк, закатив глаза. – Ты бы поняла, если бы интересовалась играми. Хотя я бы сказал, что восьмого уровня, – поправляет он Олли.

– Да-да, – поспешно соглашается тот, – восьмого.

– Да вы даже разговаривать нормально не можете! – не унимается мама. – В настоящей жизни никаких уровней нет!

– Мам, прошу тебя! – делает еще одну попытку Фрэнк. – Я согласен на все. Буду посуду в машину убирать. Бабушке каждый вечер звонить. Даже… – он отчаянно пытается придумать что-нибудь еще, – буду читать глухим старикам.

Читать глухим? Он хоть сам понимает, что говорит?

– Глухим? – взрывается мама. – Глухим? Не надо мне, чтобы ты читал глухим! Кто тут глухой, так это ты! Ты меня вообще не слышишь, постоянно в этих проклятых наушниках…

– Энн!

К перепалке присоединился папа, к тому же еще несколько соседей вышли из дома. Так что теперь это официально происшествие районного масштаба.

– Энн! – повторяет он.

– Крис, не мешай, – предостерегает она, и папа сглатывает. Он у меня высокий и красивый, таких мужчин показывают в рекламе машин. Выглядит он внушительно, хотя на самом деле по характеру вовсе не альфа-самец.

Нет, это как-то нехорошо звучит. Он, наверное, во многих отношениях альфа. Только мама еще альфее. Она сильная, любит командовать, красивая и любит командовать.

Я что, два раза сказала, что она любит командовать, да?

Ну и ладно. Сами делайте соответствующие выводы.

– Милая, я понимаю, что ты разозлилась. – Он пытается ее успокоить. – Но не слишком ли ты далеко заходишь?

– Слишком далеко? Это он далеко зашел. У него зависимость, Крис!

– Нет у меня зависимости! – вопит Фрэнк.

– Я лишь хочу сказать…

– Что? – Мама поворачивается, чтобы наконец как следует посмотреть на папу. – Что ты хочешь сказать?

– Если ты его отсюда сбросишь, то повредишь машину, – вжав голову в плечи, говорит он. – Может, чуть левее?

– Да плевать на машину! Бьет – значит, любит! – Мама наклоняет компьютер, и он уже едва-едва держится на карнизе, все, включая собравшихся соседей, ахают.

– Любит? – орет Фрэнк, глядя наверх. – Если бы ты меня любила, ты не стала бы портить мой комп!

– А если бы ты меня любил, Фрэнк, ты бы не вставал в два часа ночи втайне от меня, чтобы поиграть с кем-то там из Кореи!

– Ты вставал в два ночи? – спрашивает Олли, у которого глаза на лоб лезут.

– Я тренировался, – отвечает Фрэнк, пожав плечами. – Я тренировался, – повторяет он с нажимом, обращаясь к маме. – Скоро чемпионат! Ты же сама постоянно говоришь, что у меня должна быть какая-то цель в жизни. У меня есть цель!

– Играть в «Завоевателей» – это не цель! Боже мой… – Она громко роняет голову на компьютер. – Что я сделала не так?

– Ты все делала правильно! – выкрикивает папа. – Дорогая, иди сюда, выпей! Компьютер оставь… хотя бы пока, – поспешно добавляет он, увидев ее лицо. – Из окна выбросить можно и потом.

Но мама и ухом не ведет. Компьютер уже вот-вот соскользнет, папа кривится.

– Милая, я за машину беспокоюсь… мы же только-только выплатили кредит… – Он направляется к тачке, вытянув руки, словно стремясь защитить ее от падения куска металла.

– Одеяло! – оживает Олли. – Мы спасем комп! Надо взять одеяло. И встать кругом…

Мама его как будто и не слышит.

– Я выкормила тебя грудью! – вопит она Фрэнку. – Я «Винни-Пуха» тебе читала! Я хотела, чтобы сын мой был всесторонне развит, читал, интересовался искусством, ходил гулять, по музеям, может, на спортивные соревнования ездил…

– В «Завоевателях» есть соревнования, – воет брат, – ты просто ничего не знаешь! А там все серьезно! На международном турнире в Торонто в этом году шесть миллионов разыгрывается!

– Да ты только об этом и твердишь! – взрывается мама. – И что, ты их выиграешь? Разбогатеешь?

– Возможно. – Фрэнк мрачно смотрит на нее. – Если буду тренироваться достаточно много.

– Образумься, сын! – Ее пронзительный, почти даже пугающий голос эхом разносится по всему переулку. – Ты не поедешь на международные соревнования по этой игре, и не выиграешь эти чертовы шесть миллионов, и зарабатывать на жизнь, играя в игры, ты не будешь! НЕ БЫВАТЬ ЭТОМУ!

За месяц до этого

Началось все это с газеты «Дейли мейл». У нас в доме с нее много чего начинается.

Маму, с ней такое бывает, охватывает психоз. Мы поужинали, убрали со стола, и она села с бокалом вина читать газету. «Мне нужно время для себя», – говорит она. И зацепилась за одну статью. Я прочла через плечо заголовок: «Ваш ребенок пристрастился к компьютерным играм? Восемь характерных признаков».

«О боже, – бормочет она. – Боже мой». Ее палец ползет вниз по списку, дыхание учащается. Я подглядываю, подзаголовок № 7 гласит: «Раздражительность, вспышки плохого настроения».

Ха. Ха-ха.

Так звучит мой циничный смех, если вы не поняли.

Перепады настроения – это они серьезно? Джеймс Дин[1 - Джеймс Дин (1931–1955) – американский актер.] сыграл в «Бунтаре без идеала» подростка со вспышками плохого настроения (у меня есть постер, самый классный постер на свете, самый классный фильм на свете, самый сексапильный актер на свете, и почему только он умер?). И что, это означало, что он пристрастился к компьютерным играм? Хотя постойте.

Вот именно что.

Но объяснять это маме смысла нет, потому что тут дело завязано на логике, а мама в нее не верит. Она верит в гороскопы и зеленый чай. Ну и, разумеется, «Дейли мейл» она тоже доверяет.

Восемь признаков того, что моя мама пристрастилась к «Дейли мейл»:

1. Она читает ее каждый день.

2. Она верит во все, что там пишут.

3. Если попытаться выхватить газету у нее из рук, она отбирает ее обратно и кричит «отдай!», будто вы пытаетесь похитить ее любимого ребенка.

4. Когда там печатают страшилку о витамине D, она вынуждает нас раздеться и подставить кожу лучам солнца (хотя, скорее, порывам ветра).

5. Когда там печатают страшилку о меланоме, она вынуждает нас мазаться солнцезащитным кремом.

6. Когда там печатают статью о креме, «который ДЕЙСТВИТЕЛЬНО работает», она немедленно его заказывает. Вот прямо сразу же берется за айпад.

7. Если в отпуске купить газету не удается, у нее начинается серьезный абстинентный синдром. То есть та еще раздражительность и вспышки плохого

настроения.

8. Один раз она пыталась сменить ее на «Лент». Продержалась часа полтора.

Ну да ладно. С этой ее ужасной зависимостью я ничего поделать не могу, остается лишь надеяться, что мама слишком себе этим жизнь не испортит. (Гостиную она уже серьезно попортила после того, как в разделе, посвященном дизайну, прочла статейку с названием «Почему бы вам самостоятельно не перекрасить всю мебель?»).

Ну и потом Фрэнк неторопливо входит в кухню – в черной футболке с надписью «Я апгрейжусь, следовательно, существую» и наушниках, а в руках держит телефон. Мама опускает газету и пристально смотрит на него, словно у нее шоры с глаз упали.

(Я вот этого не понимаю. Шоры? А, неважно.)

– Фрэнк, – говорит мама, – ты на этой неделе сколько в компьютер играл?

– Это смотря как трактовать «играл в компьютер», – отвечает он, не отрывая взгляда от телефона.

– Что? – Мама неуверенно смотрит на меня, я пожимаю плечами. – Ну, ты меня понял. В компьютерные игры. Сколько часов? ФРЭНК! – Она уже орет, а он все не спешит отвечать. – Сколько часов? Вытащи это из ушей!

– Что такое? – переспрашивает Фрэнк, вынимая наушники. И смотрит на нее, хлопая глазами, словно не слышал вопроса. – Скоро Линус придет. Это что, так важно?

– Да, это важно! – рявкает мама. – Мне надо, чтобы ты ответил, сколько часов в неделю ты тратишь на компьютерные игры. Немедленно. Подсчитай.

– Не могу, – спокойно отвечает Фрэнк.

– Не можешь? Что это означает?

– Я не понимаю, о чем ты спрашиваешь, – продолжает он, стараясь сохранять спокойствие. – В буквальном смысле компьютерные игры? Или все остальные тоже, включая иксбокс и плейстейшен? А игры на телефоне считаются? Ты определись.

Фрэнк просто дебил. Неужели не заметил, что мама на грани очередной громогласной пустословной тирады?

– Я про все то, чем у тебя голова забита! – отвечает она, взмахнув газетой. – Ты хоть осознаешь, насколько эти игры опасны? Понимаешь, что у тебя мозг уже не развивается как следует? МОЗГ, Фрэнк! Самый важный орган.

Брат мерзко хихикает, мне тоже трудно сдержать смех. Он у меня, в общем, действительно довольно смешной.

– На это я даже внимания обращать не буду, – продолжает мама. – Это лишь подтверждает мои слова.

– Ничего подобного, – возражает брат, открывая холодильник, достает оттуда упаковку шоколадного молока и выпивает всю, прямо из пачки. А вот это мерзковато.

– Не делай так! – в ярости говорю я.

– Там еще одна есть, – отвечает Фрэнк, вытирая губы. Звонят в дверь. – Наверняка Линус.

Я уже почти ушла, но еще слышу мамин голос:

– Молодой человек, я ввожу ограничения на игры. С меня хватит.

Молодой человек. Это означает, что она намерена впутать в дело отца. Когда она начинает говорить «молодой человек» или «девушка», это наверняка означает, что грядет какое-нибудь отвратительное семейное собрание, на котором папа будет поддерживать маму во всем, даже если половины не поймет.

Но неважно, сейчас это не моя проблема.

Правда, когда я час спустя отправляюсь на кухню за печеньем «Орео», они уже опять вернулись к этому разговору. Или совсем не прекращали его. Я повисаю на перилах так, чтобы меня не видели, но можно было послушать перебранку.

– Молодой человек, ты и так уже поиграл достаточно!

Молодой человек.

Фрэнк выходит вслед за ней в коридор, лицо у него дрожит от ярости.

– Мы же до конца уровня не дошли! Нельзя вот так просто выключать! Мам, ты хоть понимаешь, что наделала? Ты представляешь себе, какие правила в «Стране завоевателей»?

Он разгневан всерьез. Фрэнк остановился прямо подо мной, черные волосы спадают на бледный лоб, он размахивает своими костлявыми ручками, отчаянно жестикулируя. Я надеюсь, он когда-нибудь станет пропорциональным, сейчас у него слишком большие кисти и ступни, вечно же так оставаться не может, да? Остальное же как-то догонит?

Брату пятнадцать лет, так что он еще, наверное, сантиметров на тридцать может вытянуться. Мне самой четырнадцать, и в прошлом году я выросла на семь с половиной сантиметров. Так что во мне сейчас метр семьдесят три, и у меня светлые волосы, как у мамы. Хотя я не такая симпатичная, как она. У нее такие голубые глаза. Как голубые алмазы. У меня глаза бледные, их сейчас вообще почти не видно.

Чтобы вы могли себе представить – я худая, ничем не примечательная, в черной майке и джинсах в обтяжку. А еще я все время ношу темные очки, даже дома. Это… особенность у меня такая, полагаю.

Это не для того, чтобы круто выглядеть. У меня есть на то своя причина.

Вы об этом, разумеется, знать не хотите.

Я так полагаю.

Ладно, в общем, это дело довольно личное. Я еще не уверена, готова ли я об этом рассказывать. Можете считать меня странной, если хотите. Многие так делают.

– Все нормально, – говорит незнакомый мне голос. Наверное, Линус. Я его никогда не видела, и сейчас он стоит под лестницей. Я воображаю себе, что он точь-в-точь как персонаж из старых комиксов про собачку Снупи. – Я пойду.

– Не уходи! – восклицает мама, стараясь, чтобы ее слова прозвучали как можно гостеприимнее. – Линус, не уходи, прошу. Я вовсе не к этому стремилась.

– Но если играть нельзя… – Он ошарашен.

– Мальчики, вы что, без игр никак общаться не умеете? Вы хоть осознаете, насколько это ужасно?

– Ну а что нам еще делать? – недовольно спрашивает Фрэнк.

– Я думаю, вам стоит поиграть в бадминтон. Сегодня такой приятный летний вечер, в саду очень красиво, смотрите, что я нашла! – Она протягивает Фрэнку старенькие бадминтонные ракетки. Сетка вся перекошена, а воланчик явно кто-то погрыз.

У Фрэнка лицо такое, что мне хочется ржать.

– Мам… – Он как будто утратил от ужаса дар речи. – Где ты вообще это откопала?

– Или в крокет! – энергично продолжает она. – Очень веселая игра.

Брат даже не отвечает. Он настолько потрясен перспективой играть в крокет, что мне даже становится его жаль.

– Или в прятки!

Хихикнув, я прикрываю рот рукой. Но это же невозможно. Прятки.

– Или руммикуб! – уже с отчаянием предлагает мама. – Ты раньше любил руммикуб.

– Мне тоже руммикуб нравится, – соглашается Линус, и я даже начинаю испытывать к нему что-то похожее на симпатию. Он к этому моменту уже вполне мог бросить Фрэнка и, уйдя, написать в Фейсбуке, что у нас дома дурдом. Но он как будто старается угодить маме. Словно он из тех, кто замечает людей вокруг себя и думает, а зачем усложнять им жизнь? (Я такие выводы из четырех слов сделала, понимаете ли.)

– Ты хочешь играть в руммикуб? – с недоверием спрашивает Фрэнк.

– Почему бы и нет, – с легкостью отвечает Линус, и они тут же отправляются в игровую комнату. (Когда мне исполнилось тринадцать, мама с папой ее перекрасили и окрестили «норой для подростков», но она все равно так и осталась игровой комнатой.)

Я выжидаю, когда на горизонте станет чисто, после чего направляюсь на кухню, а мама наливает себе вина.

– Ну вот, – сообщает она, – за ними просто надо немного присматривать. Нужен родительский контроль. Я помогла им увидеть картину в целом. Компьютерной зависимости у них нет. Просто надо напоминать детям о том, как еще можно проводить время.

Разговаривает она не со мной. А с воображаемым Судьей из «Дейли мейл», который постоянно следит за ее жизнью и оценивает по десятибалльной шкале.

– А мне кажется, что руммикуб для двоих не очень подходит, – говорю я. – Никогда не закончится.

Мама призадумалась. И я уверена, что она нарисовала в своем воображении такую же картину, как и я: Фрэнк с Линусом мрачно сидят, разложив перед собой поле для руммикуба, проникаются к нему ненавистью и заключают, что все настольные игры – чушь и бред.

– Ты права, – наконец говорит она. – Пойду, наверное, с ними поиграю. Чтобы веселее было.

Меня она присоединиться не приглашает, за что я благодарна.

– Ну, желаю хорошо отдохнуть, – говорю я и беру пачку печенья, после чего сбегаю из кухни в свою нору и, лишь врубив телевизор, слышу, как из игровой комнаты через весь дом доносится:

– Я ИМЕЛА В ВИДУ НЕ КОМПЬЮТЕРНЫЙ РУММИКУБ!

У нас дома свои метеорологические условия. Случаются приливы и отливы, обострения и моменты покоя. Бывают мгновения лучезарного блаженства, бывает жуткий мрак, а иногда внезапно разражаются бури. И вот сейчас начинается шторм. Гром и молния, гром и молния. Фрэнк – мама – Фрэнк – мама.

– Да какая разница?

– Большая! Я сказала, компьютер больше не включать!

– Блин, но это та же самая игра, мам!

– Нет! Выключай! Я хочу, чтобы ты поиграл с другом! ПО-НАСТОЯЩЕМУ!

– Да когда два игрока – неинтересно. С тем же успехом можно и в кубики играть.

– Я помню! – Мама буквально перешла на визг. – Поэтому я пришла составить вам компанию!

– Ну я же, блин, этого не знал!

– Не ругайся! Будешь при мне ругаться, молодой человек…

Молодой человек.

Брат издает свой фирменный звук «Фрэнк в гневе». Он похож на рев носорога тире вопль отчаяния.

– Блин – это даже не ругательство, – отвечает он, пыхтя, словно силясь контролировать свой гнев.

– Ругательство!

– Да так говорят в фильмах про Гарри Поттера. Про Гарри Поттера! Как можно считать это ругательством?

– Что? – Маму словно с ног сбили.

– Гарри Поттер. Больше мне добавить нечего.

– Молодой человек, постой!

Молодой человек. Уже третий раз. Бедный папа. Ему все уши прожужжат, когда придет…

– Привет. – Голос Линуса застал меня врасплох, я от удивления подскакиваю с разворотом. В буквальном смысле. У меня рефлексы очень ярко выражены. «Чрезмерная чувствительность». Как и во всех остальных вопросах.

Он стоит в дверях. Долговязый подросток с каштановыми, свободно лежащими волосами, широкими скулами и улыбкой, похожей на дольку апельсина. Не в том смысле, что у него зубы оранжевые. А губы напоминают такую форму, когда он улыбается. Как сейчас. Остальные друзья Фрэнка никогда не улыбаются.

Линус входит в нору, и у меня от ужаса инстинктивно сжимаются кулаки. Он, наверное, ушел, когда мама с Фрэнком начали ругаться. Но в эту комнату никто не заходит. Это мое пространство. Брат ему что, не сказал?

– Фрэнк тебе не говорил?

У меня от ужаса вздымается грудь. В глазах уже стоят слезы. Горло как будто заледенело. Мне надо как-то сбежать. Надо… Но не могу…

Сюда никто не заходит. Потому что сюда заходить нельзя.

В голове звучит голос доктора Сары. Обрывки из наших сессий.

Когда вдыхаешь, считай до четырех, когда выдыхаешь – до семи.

Одри, организм верит, что угроза реальна. Но на самом деле это не так.

– Привет, – заново начинает он. – Я Линус. А ты Одри, да?

Угроза не реальна. Я пытаюсь ухватиться за эти слова, но их смывает волна ужаса. Всепоглощающая. Как ядерное облако.

– Ты их никогда не снимаешь? – Он кивком показывает на мои темные очки.

Грудная клетка у меня ходит ходуном от страха. Я каким-то образом протискиваюсь мимо него.

– Извини, – пыхчу я и бросаюсь через кухню, как лиса от охотников. Вверх по лестнице. В свою комнату. В самый дальний угол. И сажусь на корточки за занавеской. Я дышу, как поршневой двигатель, а по лицу текут слезы. Я вжимаюсь в ткань, словно только она может меня спасти.

– Одри? – слышу я встревоженный голос мамы за дверью. – Дорогая? Что случилось?

– Ну… просто… – Я сглатываю. – Этот мальчик вошел, я не ожидала.

– Ничего страшного, – успокаивает меня она, подходит и гладит по голове. – Все нормально. Я понимаю. Хочешь принять…

Мама никогда не произносит вслух названия лекарств.

– Да.

– Сейчас принесу.

Она идет в ванную, включает воду. А я думаю лишь о том, что я дура. Идиотка.

Ну вот, теперь вы знаете.

То есть не знаете – предполагаете. Чтобы никого не мучить, назову свой диагноз целиком. Социофобия и тревожное расстройство с эпизодами депрессии.

С эпизодами. Как будто депрессия – это сериал с кульминацией в каждой серии. Или телешоу с многочисленными непредсказуемыми поворотами, нагнетающими тревожное ожидание. Хотя я по жизни с тревогой жду лишь одного: избавлюсь ли я когда-нибудь от этого дерьма? И, поверьте мне, картина стала уже довольно монотонной.

На следующей встрече с доктором Сарой я рассказываю ей о Линусе и своем приступе, она глубокомысленно выслушивает. Доктор Сара все делает глубокомысленно. И слушает, и записывает красивым почерком с петельками, даже по клавишам компьютера глубокомысленно стучит.

По фамилии она МакВай, но мы называем ее доктором Сарой. Этому посвятили целую большую встречу, на которой в ходе долгих обсуждений пришли к заключению, что обращаться по имени будет проще, а слово «доктор» добавит авторитета и надежности, так что в детском отделении будет работать такой код: Доктор Имя.

(Когда она сказала про «код», я подумала, что в отделении будет работать кот. Реально, я верила в это минут десять, пока она не объяснила.)

Детское отделение представляет собой отдельную частную больницу Святого Иоанна, и именно туда меня смогли взять по папиной страховке. (Когда туда попадаешь, первым делом спрашивают не «Как ты себя чувствуешь?», а «Есть ли у тебя страховка?».) Я там какое-то время жила – сразу после того случая. А теперь меня туда возят каждую неделю. Если я захочу, можно приезжать и чаще – мне постоянно об этом твердят. Например, печь кексы. Но я это уже делала

примерно пятьдесят пять триллиардов раз, причем все время по одному и тому же рецепту.

После того, как я закончила подробный рассказ о том, как пряталась за шторой, доктор Сара какое-то время изучает опросник с галочками, который я заполнила по прибытии. Там были обычные вопросы.

Ощущаешь ли ты себя неудачником? Еще как.

Посещает ли тебя когда-нибудь желание, чтобы тебя вообще не было? Еще как.

Доктор Сара говорит, что на этом листке числятся мои «симптомы». И иногда я спрашиваю себя, не начать ли мне врать и сказать, что все чудесно? Но, как ни смешно, я этого не делаю. Я не могу так с ней поступить. Мы тут с доктором Сарой заодно.

– И что ты чувствуешь по поводу произошедшего? – спрашивает она спокойным добрым тоном, как и обычно.

– Я чувствую, что застряла.

Слово «застряла» вырвалось до того, как я успела подумать. Я даже не знала, что я себя так чувствую.

– Застряла?

– В сентябре, по идее, я должна идти в новую школу. Осталось четыре месяца. Но я даже не могу… – Я сглатываю. – В доме появляется всего один новый человек, и я уже теряю контроль над собой. Как я в школу-то пойду? Как я вообще хоть что-нибудь смогу? Что, если я навсегда такая останусь?

По щеке у меня бежит слеза. Черт, откуда это вообще? Доктор Сара молча подает мне платочек, и я начинаю вытирать глаза, для чего приходится ненадолго поднять очки.

– Во-первых, это не навсегда, – говорит она. – Твое заболевание полностью излечимо. Излечимо полностью.

Она говорила мне это уже тысячу раз.

– Но не за один день. Потребуется…

– Знаю. – Я обхватываю себя руками. – Упорство, усилия и терпение.

– Ты на этой неделе очки снимала? – интересуется доктор Сара.

– Не особо.

Это значит, что вообще нет. И ей об этом известно.

– Кому-нибудь в глаза смотрела?

Я не отвечаю. Мне надо было постараться. Кому-то из родственников. Каждый день всего по нескольку секунд.

А я маме даже не сказала. Она бы столько с этим заданием носилась.

– Одри?

– Нет, – бурчу я, повесив голову.

Смотреть в глаза – дело серьезное. Даже самое серьезное. Меня от одной мысли мутит, переворачивает до глубины души.

Разумом я понимаю, что глаза пугать не могут. Это маленькие безвредные сгустки желе. Вообще крошечная часть всего тела. И они есть у каждого. Так почему они меня так беспокоят? Но я об этом очень много думала и, если хотите, могу сказать, что многие люди глаза недооценивают. Во-первых, в них есть сила. У них есть прицел. Вы можете сфокусироваться на объекте, расстояние до которого составляет триста метров, и пусть вас разделяют другие люди, но тот человек все равно поймет, что вы на него смотрите. Какая-нибудь другая часть тела так может? Это практически сверхъестественные способности, вот как.

А еще они похожи на водоворот. Они безграничны. Вот посмотрите кому-нибудь в глаза, и за наносекунду из вас могут высосать всю душу. По ощущениям. Чужие глаза бездонны, и меня это пугает.

В кабинете на какое-то время повисает тишина. Доктор Сара молчит. Она думает. Мне нравится, когда она размышляет. Если можно было бы залезть кому-нибудь в голову и свернуться там калачиком, я бы выбрала ее.

– Я кое-что придумала специально для тебя. – Она поднимает взгляд. – Может, ты снимешь фильм?

– Что? – Я ошарашенно смотрю на нее. Этого я не ждала. Думала, будет упражнение на листе бумаги.

– Документальный фильм. Достаточно будет дешевой цифровой камеры. Или даже телефон сойдет. Думаю, родители не откажут.

– И что с ним делать?

Я нарочно прикидываюсь дурочкой, потому что очень разволновалась. Фильм. Ничего подобного я раньше не слышала. Это что, новая фишка? Вместо кексов?

– Я думаю, тебе пойдет на пользу переход из твоего нынешнего состояния… – доктор Сара делает паузу, – туда, куда тебе хочется. Сначала снимай, как будто ты там посторонняя. Как скрытой камерой. Ты понимаешь, что это означает, «скрытая камера»?

Я киваю, стараясь скрыть начинающуюся панику. Все слишком быстро.

– Через какое-то время начинай брать интервью. Как думаешь, через камеру тебе удастся посмотреть кому-нибудь в глаза?

Ощутив тупой слепящий удар страха, я велю себе не обращать на него внимания, поскольку мой мозг иногда говорит мне неправду, и я не должна его слушать. Это в больнице Святого Иоанна урок номер один: твой мозг дурак.

– Не знаю – Я сглатываю, а кулаки сжимаются. – Может быть.

– Отлично – Я вижу ангельскую улыбку доктора Сары. – Одри, я понимаю, что тебе мое задание кажется трудным и страшным. Но мне кажется, этот проект тебе отлично подойдет.

– Ладно, но я не понимаю… – Я умолкаю, стараясь взять себя в руки, чтобы не дать волю слезам ужаса. Я ведь даже не знаю, чего я испугалась. Камеры? Новизны? Неожиданного требования?

– Чего не понимаешь?

– Что снимать?

– Что угодно. Что попадется на глаза. Просто наводи камеру и снимай. Дом. Людей. Нарисуй портрет своей семьи.

– Ага. – Не сдержавшись, я фыркнула. – Назову его «Мое безмятежное любящее семейство».

– Как хочешь, – со смехом отвечает она. – Буду ждать с нетерпением.

Ладно, предыстория. Вам, наверное, хочется знать. В предыдущих сериях жизни Одри Тернер…

Разве что, блин. Я не могу обо всем этом в очередной раз вспоминать. Извините, просто не могу. Сколько раз уже я сидела с учителями, врачами, адвокатами, выдавливая из себя все ту же самую историю теми же самыми словами, и мне уже начало казаться, что все это произошло с кем-то другим.

И все, кто принимал в этом участие, стали как будто нереальными. Все девочки из женской школы в Стоукленде, мисс Эмерсон, учительница, говорившая, что я брежу и что мне просто нужно внимание. (Внимание. Боги Иронии, вы это слышите?)

Никто так и не понял, почему это случилось. Ну, то есть как-то поняли, почему, но не почему.

Был большой скандал и так далее и тому подобное. Трех девочек исключили, а это рекорд. Мои родители сразу же забрали меня из этой школы. И с тех пор я дома. Ну, еще в больнице, но об этом не буду. Идея у них такая, чтобы я «начала все с чистого листа» где-нибудь в другом месте. Только чтобы «начать все с чистого листа», надо «выйти из дома», а с этим у меня проблемка.

Дело не в том, что я не могу выйти на улицу. Проблема не в деревьях, воздухе или небе. А в людях. Ну, не во всех. С вами, например, все пошло бы нормально. Есть люди, с которыми мне комфортно – с которыми я могу разговаривать, смеяться, с которыми мне спокойно. Но таких очень мало. По сравнению с населением всей земли это просто крошечная часть. Даже по сравнению со средним числом пассажиров в автобусе.

Я вообще никогда не выходила в мир, даже когда была нормальная. В толпе девчонок я стояла в сторонке, спрятав лицо за волосами. Я силилась поддержать разговор о лифчиках, хотя, блин, какие лифчики? Для этого же необходима женственная фигура. Меня терзала паранойя, будто все на меня смотрят и думают, какая я отстойная.

И в то же время меня демонстрировали любым посетителям: «Это Одри, наша талантливая художница». «Наша лучшая гимнастка Одри».

Если это читает кто-то из учителей (вероятно, таких нет), вот вам совет: постарайтесь не выставлять напоказ ребенка, который весь съеживается, когда на него кто-нибудь хотя бы просто смотрит. Потому что ему от этого лучше не становится. И не очень полезно говорить при всем классе: «Она в этой параллели самая талантливая, подает такие большие надежды».

Кто хочет, чтобы на него возлагали надежды? Кто хочет быть «самым талантливым»? Кто хочет, чтобы вся параллель на нее волком смотрела?

Ну, то есть я их не виню. Просто на заметку.

Итак. Потом произошло плохое. Я типа сорвалась. И вот я здесь. Застряла в ловушке своего тупого мозга.

Папа говорит, что все вполне объяснимо, я пережила травму и теперь похожа на младенца, который впадает в панику, когда его дают подержать незнакомому человеку. Я таких детей видела, они то нормальные, а через секунду начинают страшно выть. Но я не вою. То есть не совсем.

Но выть хочется.

Ну, я снимала его лишь потому, что он друг Фрэнка. Для этого, как его. Семейного контекста.

Да. К тому же у него приятное лицо.

Так что я пересмотрела несколько раз.

На следующий день мама спускается после завтрака в леггинсах, коротком розовом топике и кроссовках. На груди у нее прибор, измеряющий пульс, а в руке – бутылка с водой.

– Готов? – кричит она. – Фрэнк, выходим! Фрэнк! ФРЭНК!

Лет сто спустя появляется Фрэнк. На нем черные джинсы, черная футболка, привычные кроссовки и хмурое лицо.

– Так бегать нельзя, – немедленно реагирует мама.

– Можно.

– Нельзя. У тебя есть какие-нибудь спортивные шорты?

– Спортивные шорты?

Полный презрения взгляд брата просто ужасен, я фыркаю от смеха.

– Что плохого в спортивных шортах? – начинает обороняться мама. – Вот в чем основная проблема молодежи. Вы ограниченные. Вы полны предрассудков.

Молодежь. Это слово служит сигналом того, что мама сейчас начнет проповедь. Я смотрю на нее от двери гостиной и, разумеется, замечаю и другие признаки. Взгляд задумчивый – наверняка есть что сказать… дыхание участилось…

Бинго.

– Знаешь ли, Фрэнк, тело у тебя всего одно, – накидывается она на него. – И его надо беречь. Ухаживать за ним! Ты, похоже, о здоровье совсем не задумываешься, о фитнесе и представления не имеешь, есть склонен только

гадость, и это меня беспокоит…

– Когда я доживу до твоих лет, любую часть тела уже можно будет заменить на механическую, – равнодушно отвечает он.

– Ты представляешь, как часто у детей твоего возраста уже бывает диабет? – не унимается мама. – Сколько сейчас подростков с ожирением? А о проблемах с сердцем лучше и не начинать.

– Да, лучше не начинай, – мягко соглашается брат, чем, похоже, злит ее еще больше.

– И знаешь, в чем тут дело? Виноваты во всем компьютеры. Некоторые дети в твоем возрасте даже с дивана подняться не могут!

– Сколько таких? – острит Фрэнк.

– Что? – Мама смотрит на него озадаченно.

– Сколько детей в моем возрасте даже с дивана подняться не может? А то мне кажется, что это бредни. Ты что, в «Дейли мейл» это вычитала?

Она гневно смотрит на Фрэнка.

– Значительное количество.

– Штуки три. И то из-за перелома.

Поскольку я не могу сдержаться и хихикаю, мама бросает сердитый взгляд и на меня.

– Можешь потешаться надо мной, сколько хочешь, – возвращается она к Фрэнку, – но я к своим родительским обязанностям отношусь серьезно и не позволю тебе стать домоседом. Не дам тебе вести сидячий образ жизни. Так что давай. На пробежку. Для начала разогреемся. За мной.

Она начинает маршировать, водя руками, словно робот. Такое движение я видела на ее видеодиске с «упражнениями от Давины». Фрэнк вскоре присоединяется к ней, размахивая руками по кругу и закатывая глаза, как клоун. Мне уже рот ладонью приходится закрывать, чтобы не рассмеяться.

– Движения должны идти изнутри, – говорит мама. – Тебе надо бы заняться пилатесом. Ты слышал об упражнении под названием «планка»?

– Отстань уже, – бурчит он.

– Теперь растяжка…

Они начинают тянуться, нагибаясь, и тут в холл влетает Феликс.

– Йога! – кричит он со свойственным ему жизнелюбием. – Я могу делать йогу. ОЧЕНЬ БЫСТРО.

Феликс ложится на спину и начинает брыкать ногами в воздухе.

– Классная йога, – комментирую я. – Очень скоростная.

– И СИЛЬНАЯ. – Феликс смотрит на меня с серьезным лицом. – Я самый сильный йог.

– Ты самый сильный йог, – соглашаюсь я.

– Ладно, – говорит мама, подняв голову. – Фрэнк, сегодня начнем с малого, всего лишь коротенькая пробежечка…

– А отжиматься? – перебивает он. – Разве отжиматься перед выходом не положено?

– Отжиматься? – Мама на миг мрачнеет.

Я видела, как она отжимается под диск с Давиной. Не очень приятное зрелище. Она ругается, потеет, примерно после пяти раз сдается.

– А, да. – Мама снова берет себя в руки. – Отличная идея, Фрэнк. Можно отжаться пару раз.

– Может, тридцать?

– Тридцать? – Она вся белеет.

– Я начинаю. – И он падает. И тут же, почти положив лицо на пол, начинает ритмично качаться вверх-вниз. У него отлично получается. Серьезно, просто отлично.

Мама смотрит на него так, будто ее сын превратился в слона.

– Ты присоединишься? – спрашивает он, практически не сбавляя темпа.

– Ага, – говорит мама и встает на четвереньки. Пару раз отжавшись, она останавливается.

– Ты чего отстаешь, – говорит Фрэнк, тяжело дыша. – Двадцать три… двадцать четыре…

Мама отжимается еще пару раз, после чего, пыхтя, останавливается. Явно ей не в кайф.

– Фрэнк, ты где так научился? – интересуется она, когда он заканчивает. Голос у нее при этом чуть не сердитый, словно он ее одурачил.

– В школе, – коротко отвечает он. – На физре. – Брат садится на колени и злорадно ухмыляется. – И бегать я тоже умею. Я, вообще-то, в команде по бегу по пересеченной местности.

– Что? – Мама бледнеет. – Ты мне не говорил.

– Так идем? – Фрэнк встает. – А то не хочу, чтобы у меня в подростковом возрасте началось ожирение или случился сердечный приступ. – Они идут к двери, и я слышу: – А ты в курсе, что большая часть женщин среднего возраста делает недостаточно отжиманий? В «Дейли мейл» писали.

Сорок минут спустя они, тяжело дыша, снова появляются в холле. «Тяжело дыша» – это я неудачно выразилась. Фрэнк едва вспотел, мама же вот-вот рухнет. Лицо у нее раскраснелось, волосы взмокли. Она хватается за перила, чтобы удержаться на ногах, и дышит, как двигатель у трактора.

– Как пробежка? – начинает папа, выходя в холл, но, увидев маму, встревоженно замолкает. – Энн, с тобой все в порядке?

– В полном, – еле выдавливает она. – Порядке. А Фрэнк вообще-то молодец.

– Фрэнк-то ладно, а ты? – Он все не сводит с нее глаз. – Энн, ты что, перенапряглась? Я-то думал, что ты в хорошей форме.

– В хорошей! – чуть не кричит она. – Он меня одурачил!

Фрэнк печально качает головой.

– Занятия кардио маме не помешают, – комментирует он. – Мам, у тебя всего лишь одно тело. Надо за ним ухаживать.

Подмигнув мне, он лениво уходит в нору.

По сути-то Фрэнк прав.

Но и мама права. Все по-своему правы.

После этой совместной пробежки Фрэнк просидел за играми десять часов. Без перерыва. Мама с папой ушли на весь день с Феликсом на какие-то дни рождения, а ему сказали делать домашку. Брат согласился, а потом включил комп, вот и все.

Сейчас утро воскресенья, мама ушла играть в теннис, папа чем-то занят в саду, я смотрю в норе телик, в дверях появляется Фрэнк.

– Привет.

– Привет. – Я уже в темных очках, голову в его сторону не поворачиваю.

– Одри, послушай. Линус будет проводить у нас много времени, и мне кажется, что тебе надо бы с ним познакомиться. Он со мной в одной команде «Завоевателей».

От слов «Линус» и «познакомиться» я уже немного напряглась.

– Зачем мне с ним знакомиться? – возмущаюсь я.

– Потому что ему ко мне теперь ходить стремно. Что там на днях произошло? Когда ты убежала? Он слегонца перепугался.

Я сердито смотрю на брата. Мне не нравится, когда мне об этом напоминают.

– Зря он переживает, – говорю я, подтягивая колени к груди.

– Но он все равно переживает. Думает, что чем-то тебя расстроил.

– Ну так расскажи ему. Сам понимаешь. Про…

– Рассказал.

– Ну так что еще.

Он молчит. Все еще недоволен.

– Если Линус не захочет ко мне приходить, он может сбежать в другую команду, – продолжает брат. – А он очень хорошо играет.

Я закатываю глаза, хоть они и скрыты очками. Я не понимаю, что они так на этой игре помешаны. Ну, я же пробовала. Нормальная, конечно. На час-другой.

– А кто еще в команде? – Я резко поворачиваюсь к брату.

– Еще два парня из школы. Ник и Рамин. Они играют по Сети. А мы с Линусом типа стратеги. Мы хотим попасть на мировой чемпионат, так что тренироваться надо очень много. Приз шесть лимонов.

– Что? – говорю я, уставившись на него.

– Серьезно.

– Можно выиграть шесть миллионов баксов? Просто за игру в «Завоевателей»?

– Не «просто» за игру, – возмущенно отвечает он, – это новый спорт для зрителей. – Тем не менее таким воодушевленным я его давно не видела. – Чемпионат проводится в Торонто, там построят огромный стадион, все слетятся прямо туда. Большие деньги. Мама с папой этого понять не могут. В наши дни на играх можно сделать карьеру.

– Ага, – с сомнением говорю я.

Я в школе была на ярмарке вакансий. Никого с табличкой «Компьютерные игры» не видела.

– Так что тебе надо постараться, чтобы Линусу тут было уютно, – заканчивает Фрэнк. – Я не могу допустить, чтобы он ушел из команды.

– А ты к нему пойти не можешь?

Брат качает головой.

– Пытались уже. У него там бабушка. А у нее типа деменция. Она от нас вообще не отстает. Ему даже домашку приходится всю в школе делать.

– Ясно. – Я пытаюсь это переварить. – Тогда… Скажи ему, что все нормально.

– Он у меня твой номер просил, но… – Фрэнк пожимает плечами.

– Ага.

У меня сейчас даже нет телефона. Я до кучи и их избегаю. Но это не фобия, просто они мне не нравятся.

Фрэнку этого, конечно, никогда не понять.

Он уходит, а я возвращаюсь к просмотру передачи с любительскими видеосъемками. Ко мне присоединяется Феликс, и мы уютно устраиваемся рядом на диване. Он у нас как игрушечный мишка, который умеет ходить и разговаривать. Такой мягкий, с ним приятно обниматься, а если нажать ему на живот, он всякий раз смеется. Его голова со светлыми кудрями похожа на одуванчик, а лицо такое открытое и полное надежд. И кажется, что у него всегда все будет только хорошо.

Наверное, мама с папой и про меня так думали.

– Феликс, как дела в саду? – интересуюсь я. – С Эйденом все еще дружишь?

– У него ветряпка, – сообщает братишка.

– Ветрянка?

– Ветряпка, – поправляет он, словно я дурочка. – Ветряпка.

– Ох. – Я киваю. – Надеюсь, ты не подцепишь.

– Я разрублю ветряпку мечом, – деловито говорит Феликс. – Я очень сильный боец.

Я снимаю темные очки и смотрю в его круглое открытое лицо. Феликс – единственный, на кого я могу смотреть, если с глазу на глаз. Родители – об этом вообще забудьте. В них столько беспокойства и страха, а также знаний. И как-то слишком много любви, если вам понятно. Когда на них смотришь, все лавиной возвращается обратно, смешиваясь с их гневом, довольно-таки праведным. Ясное дело, он направлен не на меня, но тем не менее. Он токсичен.

У Фрэнка всякий раз, когда он на меня смотрит, взгляд несколько испуганный. Типа «Помогите, моя сестра спятила, что делать?». Он сам этому не рад, но тем не менее. Ну разумеется. Когда сестра прячется в доме и ходит в темных очках, как ему еще себя чувствовать?

А голубые глаза Феликса такие ясные и прозрачные, как бальзам на душу. И он почти ничего не знает, за исключением того, что он Феликс.

– Ну, ты, – говорю я, и прижимаюсь щекой к его щеке.

– Ну, ты. – Он жмется ко мне еще сильнее. – Хочешь, сделаем снеговика?

Феликс прямо помешан на мультике «Холодное сердце», и я его за это не виню. Я и сама чувствую какое-то родство с королевой Эльзой. Только не уверена, что мой лед растает от какого-нибудь внезапного проявления любви. Скорее, мне придется его ледорубом скалывать.

– Одри, – послышался голос Фрэнка. – Линус пришел. Просил тебе передать.

Отстраняясь от Феликса, я снова надеваю очки. Фрэнк протягивает мне сложенный листок бумаги.

– О, – растерянно говорю я и беру листок. – Хорошо.

Когда он выходит из комнаты, я разворачиваю и смотрю на незнакомый почерк.

О боже.

«О боже» на очень разных уровнях. Во-первых, он думает, что напугал меня. (Напугал, но это не потому, что он страшный.) Во-вторых, он считает нужным извиниться, и от этого мне нехорошо. В-третьих, что мне теперь делать?

Секунду подумав, я дописываю ниже:

– Феликс, – прошу я, – сходи отдай это Линусу. Линусу, – повторяю я, встретив его полный недоумения взгляд. – Другу Фрэнка. Линус! Большой мальчик!

Феликс берет листок и внимательно его осматривает. Затем сворачивает, кладет в карман и начинает играть с поездом.

– Феликс, иди, – подталкиваю его я, – отдай бумажку Линусу.

– Но она входит в карман, – возражает он. – Это будет моя карманная бумага.

– Она не твоя. Это записка.

– А мне нужна карманная бумага! – Братишка кривит лицо, собираясь разреветься.

Господи боже. В фильмах записки даже собакам на ошейник цепляют, и они послушно относят – без вот этого всего.

– Хорошо, Феликс, будет у тебя карманная бумага, – раздраженно говорю я, – что бы это ни значило. Вот. – Вырвав страницу из журнала, я засовываю его брату в карман. – А теперь отнеси ту бумажку Линусу. Он в игровой комнате.

Феликс наконец уходит, а я совсем не уверена, что записка достигнет своего адресата. Куда вероятнее, что братишка выбросит ее в мусорное ведро или засунет в дивиди-плеер, либо просто забудет о ее существовании. Я прибавляю громкости в телевизоре и стараюсь об этом забыть.

Но через две минуты снова появляется Феликс с запиской и восторженно требует:

– Читай! Читай карманную бумагу!

Я разворачиваю листок – Линус дописал еще одну строчку. Мы как будто с ним в «чепуху» играем.

Разгладив листок на коленке, я продолжаю:

Я снова отправляю записку со своим чудо-псом Феликсом и снова поворачиваюсь к экрану. Хотя передачу я уже вообще не смотрю. А просто жду. Ничего подобного со мной целую вечность не происходило. Я не общалась ни с кем за исключением родственников и доктора Сары уже… и не знаю сколько. Несколько недель. Месяцев. Феликс возвращается очень быстро, и я выхватываю у него листок.

Я смотрю на написанное им мое имя. И чувствую некоторую близость. Как будто Линус чем-то во мне завладел. Я пытаюсь услышать его голос. Одри.

– Рисуй слова, – велит Феликс. Он целиком вжился в роль посредника. – Рисуй слова. – Он тычет пальцем в листок. – Слова!

Эту записку я уже не хочу отдавать Феликсу. Мне хочется ее свернуть и спрятать, чтобы можно было снова посмотреть на нее наедине с собой. Изучить его почерк. Подумать о том, как он с помощью ручки вывел мое имя. Одри.

Я беру новый листок формата А4 со столика, на котором валяются все мои школьные принадлежности, чтобы я могла «нагнать учебу» (ага, это целая отдельная история), и пишу.

Снова отправляю записку с Феликсом, и через полминуты приходит ответ:

А я все еще держу в руках первый листок, на котором мое имя. Подношу к лицу и вдыхаю. Кажется, мне удается уловить аромат его мыла, или шампуня, или что там у него.

Феликс тоже прижимается носом к другому листку и смотрит на меня поверх него своими огромными глазами.

– Твоя карманная бумага пахнет какашками, – объявляет он и разражается хохотом.

Да уж, четырехлетка всегда может испортить настроение.

– Спасибо, Феликс, – говорю я, взъерошив ему волосы. – Ты отличный гонец.

– Рисуй еще слова, – отвечает он, хлопая по бумаге. – Еще слова.

– Мы договорили, – объясняю я, но братишка все равно берет карандаш и подает его мне.

– Делай красный слова, – приказывает он. – Нарисуй «Феликс».

Я пишу его имя, и Феликс смотрит на него с любовью, а я снова прижимаю брата к себе, потому что это меня поддерживает.

Я как будто оживилась. И в то же время чувствую себя опустошенной. Может показаться, что я чрезмерно остро реагирую, но если до вас еще не дошло – я королева чрезмерно острых реакций.

Хотя на самом деле, если с новыми людьми вообще не знакомиться, то навык теряется. И когда вдруг приходится это делать, на это уходят все силы. Доктор Сара меня об этом предупреждала. Что даже крошечные незнакомые шаги или дела будут меня утомлять. И, хотите верьте вы, хотите нет, от этой короткой переписки я действительно устала.

Но было приятно.

О’кей, вот вам жизненный урок. Не пытайтесь переделать торт с помощью кетчупа. Даже корректор был бы лучше.

Когда папа его вынес, у мамы отвисла челюсть. Не от радости. Если белый торт полить кетчупом, он начинает напоминать последствия резни бензопилой. Мы излишне громко запели хором «С днем рожденья тебя», и как только закончили и мама задула свечу (единственную), папа сказал:

– Отлично, давайте я теперь это сниму и разрежу…

– Погоди, – остановила его мама. – Что ЭТО такое? Не кетчуп ли?

– Это по рецепту Хестона Блументала[2 - Хестон Блументал – знаменитый лондонский шеф-повар, ведущий телешоу.], – ответил папа и глазом не моргнув. – Он экспериментальный.

– Ага. – Мама все еще недоумевала. – Но… – И не успели мы ее остановить, как она начала соскребать кетчуп салфеткой. – Я так и знала! Под ним что-то написано.

– Ничего там нет, – поспешно сказал папа.

– Есть глазурь! – Она стерла кетчуп до конца, и все мы молча уставились на покрытый красными пятнами белый торт.

– Крис, – наконец каким-то неровным голосом, – почему тут написано 39?

– Нет! 38. Смотри. – Папа провел пальцем по остаткам кетчупа. – Восьмерка.

– Девять, – с уверенностью возразил Феликс. – Цифра девять.

– Феликс, восемь, – резко поправил папа. – Восемь!

Братишка в таком изумлении смотрел на торт, что мне стало его даже несколько жаль. Как он что-нибудь выучит с такими чокнутыми родителями?

– Девять, Феликс, – прошептала я ему на ухо. – Папа шутит.

– Ты что, думал, что мне 39 лет? – Мама уставилась на папу. – Я что, выгляжу на 39? Ты так считаешь? – Она обхватила собственное лицо руками, сурово глядя на него. – У меня лицо тридцатидевятилетней женщины? Ты это хотел мне сказать?

Кажется, лучше бы папа выбросил торт.

Поэтому в тот вечер он повел маму в ресторан по случаю дня рождения – это стало ясно по облаку парфюма, внезапно окутавшему лестницу. Когда они куда-нибудь выходят, мама не особенно скромничает. Как она сама постоянно говорит – ее выходы в свет из-за наличия троих детей практически свелись к нулю, так что когда это все же происходит, она компенсирует все упущенное, пуская в ход и духи, и подводку для глаз, и лак для волос, и высокие каблуки. Когда она на согнутых ногах спускается вниз, я замечаю у нее на ноге каплю автозагара, но молчу. Не скажу же я такое в ее день рождения.

– Дорогая, ты ведь справишься, да? – Она обнимает меня за плечи и обеспокоенно смотрит в глаза. – Номера наши у вас есть. Если что, сразу скажи Фрэнку, чтобы звонил.

Мама знает, что я с телефонами не особо лажу. Поэтому официальной няней назначен Фрэнк.

– Ничего не случится, мам.

– Разумеется, – соглашается она, но меня все не отпускает. – Не переживай, родная. Ложись спать пораньше.

– Хорошо, – обещаю я.

– Фрэнка это тоже касается. – Когда он выскакивает в холл, она поднимает на него взгляд. – Ты будешь заниматься только уроками. Потому что это я забираю с собой.

Она победоносно размахивает кабелем, у Фрэнка открывается рот.

– Ты что…

– Лишила компьютер питания? Именно так, молодой человек. Не хочу, чтобы ты включал его даже на наносекунду. Если сделаешь все уроки, можешь посмотреть телевизор или книжку почитать. Диккенса, например!

– Диккенса, – с презрением вторит брат.

– Да, Диккенса! Что ты имеешь против? Я в твоем возрасте…

– Знаю, – обрывает Фрэнк. – Ходила на его выступления. И это было так круто.

– Очень смешно, – отвечает мама, закатив глаза.

– Так! Где наша именинница? – Папа поспешно спускается по лестнице, а за ним – шлейф лосьона после бритья. И почему родителям хочется пахнуть так сильно? – Дети, у вас все в порядке? – Он смотрит на нас с Фрэнком. – Мы всего лишь за угол.

Они просто не могут уйти из дома. Маме надо в последний раз посмотреть на Феликса, а папа вспоминает, что не выключил поливальник на улице, затем мама идет проверять, точно ли запишется ее сериал «Жители Ист-Энда».

Мы со своими подшучиваниями наконец вынуждаем их уйти и переглядываемся.

– Вернутся уже через час, – предвещает Фрэнк и уходит в нору. Я за ним, потому что мне делать больше особо нечего, так что, может, почитаю его новый комикс про Скотта Пилигрима. Брат подходит к компьютеру, роется в школьном рюкзаке и извлекает из него кабель питания. Включает и запускает «Завоевателей».

– Ты что, знал, что мама унесет с собой провод? – Я под впечатлением.

– Она уже так делала. У меня их штук пять. – Взгляд у Фрэнка становится стеклянным, и я понимаю, что разговаривать с ним уже смысла нет. В поисках

комикса я натыкаюсь на большую пустую упаковку от «Хула-Хупс», а потом устраиваюсь на диване и принимаюсь читать.

Секунду спустя я поднимаю взгляд и вижу в дверях маму на каблуках. Как это вышло?

– Мама? – Я удивленно хлопаю глазами. – Ты же вроде ушла?

– Вернулась за телефоном. – Голосок у нее сладкий и пугающий. – Фрэнк? Ты что делаешь?

Ой. Фрэнк. Фрэнк! Я в мрачном предчувствии резко поворачиваю голову. Он сидит в наушниках и все еще водит мышкой.

– Фрэнк! – рявкает мама, и он поднимает взгляд.

– А?

– Что ты делаешь? – повторяет она все тем же сладким угрожающим голосом.

– Иностранный, – уверенно отвечает он.

– Ино… что? – Мама сконфужена.

– Домашку по французскому. Тут программа проверки вокабуляра. Пришлось старый кабель искать, чтобы включить. Я подумал, что ты вряд ли станешь возражать.

Фрэнк показывает на экран, на котором плавает красное слово «armorie», а за ним синий перевод «шкаф».

Ого. Вот это скорость!

В общем, «Завоеватели» действительно развивают реакцию. То есть все по-настоящему.

– И ты все это время занимался языком? – Мама смотрит на меня, сощурившись, и я отворачиваюсь. Впутываться не желаю.

– Я Скотта Пилигрима читала, – честно отвечаю я.

Мама снова переключается на брата.

– Фрэнк, ты меня обманываешь?

– Обманываю? – Он делает вид, что обиделся.

– Не надо! Ты что, положа руку на сердце готов мне сказать, что делал только домашнее задание и больше ничего?

Фрэнк секунду пристально смотрит на нее. Затем с опечаленным видом качает головой.

– Эх вы, взрослые. Думаете, что подростки врут. Вы исходите из этого. Такова ваша отправная точка. И это так угнетает.

– Я ничего не думала, – начинает мама, но он ее перебивает:

– Думала! Вы, лентяи, не утруждая себя, исходите из очевидной посылки, будто любой, кому нет восемнадцати, патологический лжец и недочеловек без цельной структуры личности. Но мы такие же люди, как и вы, а этого вы как будто не понимаете! – И он смотрит на нее с таким вдохновенным видом. – Мам, ты хоть раз способна допустить, что твой сын делает все правильно? Не можешь продемонстрировать ко мне хоть каплю доверия? Нет, если ты хочешь, чтобы я выключил комп и не учил французский, все нормально. Я завтра так и скажу учителю.

Фрэнков монолог маму ошеломил. Даже как будто обуздал ее пыл.

– Я не говорила, что ты лжешь! Я лишь… слушай, если ты учишь французский, все хорошо. Продолжай в том же духе. До скорого.

Она уходит, цокая каблуками, и через несколько секунд за ней закрывается входная дверь.

– Ты больной, – говорю я, не поднимая взгляд от комикса. Брат не отвечает. Он уже снова с головой ушел в игру. Под его бормотание я переворачиваю страницу, задумавшись, не сделать ли себе горячего шоколада, как вдруг кто-то начинает ужасно громко колотить в окно с улицы.

– ФРЭЭЭЭЭЭЭЭЭЭЭЭЭЭЭЭЭЭНК!!!

Я подскакиваю на целый километр и тут же начинаю задыхаться. За окном мама с чудовищно ужасным лицом. В такой ярости я ее никогда не видела.

– Крис! – вопит она. – ИДИ СЮДА! Я ЗАСТАЛА ЕГО С ПОЛИЧНЫМ!

Как она вообще там оказалась? Окна норы же где-то на высоте двух с половиной метров.

Я бросаю взгляд на брата, он слегка, но искренне раздосадован. Он успел закрыть игру, но она ее видела. Не иначе.

– Попал ты, – говорю я.

– Черт, – возмущается он. – Не думал, что она будет за мной шпионить.

– Крис! – продолжает орать мама. – Помоги! ААА!

Ее лицо исчезает, после чего раздается громкий грохот.

Боже мой. Что случилось? Я вскакиваю на ноги и несусь к задней двери. Окна норы выходят на сад за домом, я выбегаю, но мамы нигде не видно. Потом замечаю, что к окну придвинут домик Феликса. Крыша у него как будто сломана и…

Нет.

Не может быть.

Оттуда торчат мамины ноги, она все еще в туфлях на каблуках.

На ступеньках появляется Фрэнк и видит то же, что и я. Он зажимает рот рукой, а я пихаю его в бок.

– Молчи! Она, наверное, поранилась. Мам, ты там как? – кричу я, подбегая к домику.

– Энн! – появился и папа. – Что произошло? Что ты тут делала?

– Смотрела в окно, – раздается ее приглушенный голос. – Вытащи меня отсюда. Я застряла.

– Мам, а я думал, что становиться на домик нельзя, потому что это подаст Феликсу дурной пример, – деликатно говорит Фрэнк, и кто-то яростно ахает.

– Ты, мелкий… – Наверное, хорошо, что маму едва слышно.

Вытаскивать маму приходится всем троим, и не могу сказать, что после этого ее настроение улучшилось. Она поправляет прическу, просто сотрясаясь от гнева.

– Так, молодой человек, – говорит она Фрэнку, который мрачно смотрит в землю. – Ты сам вырыл себе яму. Отныне тебе запрещается играть в компьютерные игры… Крис, как думаешь, сколько?

– Целый день, – уверенно произносит папа, одновременно с тем, как мама называет «два месяца».

– Крис! – возмущается мама. – Один день?

– Ну я не знаю! – защищается папа. – Я так с ходу не могу решить!

Родители отходят, начинают перешептываться, а мы с Фрэнком ожидаем в неловкости. Я, наверное, могла бы уже вернуться в дом, но мне хочется узнать,

чем все кончится.

Хотя вообще-то глупо стоять здесь и слушать их шепот: «Чтобы наконец дошло», «Все серьезно».

Когда у меня будут дети, я сначала продумаю наказание.

– Ладно. – Папа наконец отделяется от мамы. – Десять дней. Ни компьютера, ни телефона, ничего.

– Десять дней? – Фрэнк бросает на папу взгляд, похожий на луч смерти и на мольбу «пожалуйста, умрите сейчас же». – Это вообще неадекватно.

– Адекватно, – отвечает мама, вытянув руку. – Телефон, пожалуйста.

– А как же моя команда? Я не могу их подвести. Ты сама мне сколько идиотских лекций прочитала о том, как важен командный дух и все за одного? И я теперь всех подведу?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию (http://www.litres.ru/sofi-kinsella/v-poiskah-odri/?lfrom=201227127) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.

notes

Примечания

1

Джеймс Дин (1931–1955) – американский актер.

2

Хестон Блументал – знаменитый лондонский шеф-повар, ведущий телешоу.

Купить: https://tellnovel.com/ru/sofi-kinsella/v-poiskah-odri-kupit

Текст предоставлен ООО «ИТ»
Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию: Купить